

УДК 94(470) «1905/1907»

Колесникова М.А.

Московский государственный областной университет

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 ГГ. В ВОСПРИЯТИИ
РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

M. Kolesnicova

Moscow State Regional University

**THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905 THROUGH
THE PERCEPTION OF RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE END
OF THE 19TH CENTURY – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

Аннотация. Одно из центральных мест во внешней политике нашей страны начала XX века занимал Дальневосточный вопрос. Русские софиологи конца XIX – начала XX в. В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, В.Ф. Эрн предупреждали об опасности со стороны Востока, в частности и со стороны Японии, еще до начала русско-японской войны 1904–1905 гг. Вкладывая в понятие патриотизм высокие духовные чувства, отстаивая идеи всеединства, они по-разному оценивали события начавшейся войны. В.С. Соловьев предупреждал, что если Россия начнет войну с Японией – это обернется настоящей бедой. В.Ф. Эрн, напротив, встречает эти события достаточно оптимистично, видя в этой войне истинный подъем русского духа. Сергей и Евгений Николаевичи Трубецкие в ходе этой войны приходили к выводу о неподготовленности русской армии, вопиющих недостатках бюрократической системы управления страной и душой болели за будущее России.

Ключевые слова: софиологи, русско-японская война, патриотизм, бюрократическая система.

Abstract. At the beginning of the 20th century the Far Eastern Problem held one of the key positions in Russia's foreign policy. It's remarkable that the Russian sophiologists of the late 19th and the early 20th centuries, such as V.S. Solovyov, S.N. Trubetskoy and E.N. Trubetskoy, V.F. Ern, warned of the danger coming from the East, from Japan in particular, as far back as the beginning of the Russian-Japanese War of 1904–1905. Though the notion of patriotism was interpreted by them similarly (they considered it to include the highest spiritual senses) and the ideas of all-unity were shared by all of them, they considered the events of the war differently. V. Solovyov insisted that in case Russia began war with Japan it would turn out to be a disaster. V. Ern, on the contrary, faced those events rather optimistically and found the war to stimulate the rise of the Russian national spirit. During the course of the war S. Trubetskoy and Eu. Trubetskoy came to the conclusion that the Russian army turned out to be unprepared for the war, he was convinced that the country's bureaucratic system had made scandalous mistakes in ruling the country. They heartily hoped Russia would have a better future.

Key words: sophiologists, Russian-Japanese war, patriotism, bureaucratic system.

Одно из центральных мест во внешней политике России начала XX в. занимал Дальневосточный вопрос, попыткой решения которого являлась русско-японская война (1904-1905 гг). Постараемся рассмотреть взгляды русских мыслителей: В.С. Соловьева, В.Ф. Эрна, братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких на события этой войны и на взаимоотношения Японии и России. Напомним, что Николай II в 1902 г. на встрече в Ревеле с императором Вильгельмом II заявил, что рассматривает укрепление и усиление влияния России в Восточной Азии как главную задачу своего правления. Основным препятствием этой политике на Дальнем Востоке становилась Япония, неизбежное столкновение с которой Николай II предвидел и готовился к нему как в дипломатическом, так и в военном отношении. О столкновении России и Японии говорили и русские мыслители конца XIX – начала XX в., предвидя его неизбежность задолго до начала русско-японской войны.

Всю свою жизнь Владимир Сергеевич стоял на защите нравственных идеалов, считая, что война – это прежде всего зло, так как она приносит бедствия и гибель людей. В то же время философ прекрасно осознавал, что это зло бывает порой просто вынужденным; иногда война необходима, чтобы сдержать еще большее зло. Война не дает внутреннего и нравственного перерождения, но гражданину своей страны не следует уклоняться от воинских обязанностей.

Следует обратить внимание на то, что Соловьев вкладывал в понятие патриотизма. Он полагал, что истинный патриотизм – это не проявление силы и что он должен основываться на принципах гуманистической морали. Споря с поздними славянофилами, Соловьев писал: «Русская национальная идея ... не может исключать принципа справедливости и всечеловеческой солидарности» [1, с. 187]. Отсюда и его требования свободы развития всех народов и в Российской империи, и во всем мире.

Отношение к войне Владимир Сергеевич пересмотрел в работе «Три разговора» [2], в которой признавал справедливость войны. Таким образом, с его точки зрения, война, как и государство, выполняет собственную определенную функцию в истории, несомнительную, относительную, но все же необходимую. В.С. Соловьев, хоть и не дожидаясь событий русско-японской войны, опасность, надвигающуюся с Востока, он предчувствовал. Правда, первоначально он считал, что эту опасность следует ожидать со стороны Китая, но в дальнейшем он увидел, что агрессором является Япония. В подъеме Китая и Японии Владимир Сергеевич видел большую опасность и считал данные события предтечей Антихриста.

Если в 1890 г. в статье «Китай и Европа» роль «бича Божьего» Владимир Соловьев отводил только Китаю, соглашаясь с мнением А. Ревилля, что Япония «решительно перешла на сторону Европы» [3, с. 24], то уже в 1900 г. в «Трех разговорах» [2], напротив, именно японцы изображаются творцами идеи панмонголизма.. Владимир Сергеевич говорил:

«подражательные японцы» [2, с. 86]. Почему подражательные? Потому что они очень быстро переняли европейскую культуру. Узнав о различных идеях, зародившихся на Западе, японцы выдвинули свою теорию «панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев» [2, с. 134]. Кардинальным событием десятилетия, разделяющего две работы, была как раз японо-китайская война.

В последних своих публикациях Владимир Соловьев пренебрег политической реальностью во имя историософской, он утверждал, что конец истории сойдется с ее началом, поэтому последнее слово будет за Китаем. Но разгром Китая, с одной стороны, показал, что главной силой в Дальневосточном регионе является не он, а Япония, поскольку обнаружилось появление на мировой арене нового хорошо вооруженного и коварного хищника.

В конце жизни философ скептически отнесся к миротворческой инициативе последнего русского монарха. Призыв Николая II к всеобщему миру и разоружению он считал бесперспективным уже потому, что «внешний» гуманизм никак не был подкреплён, с его точки зрения, необходимыми преобразованиями в самой России. Возможно, поэтому Владимир Соловьев изобразил олицетворяющего мировое зло антихриста не кем иным, как ловким миротворцем – демагогом, ублажавшим всех обещаниями всеобщего мира и согласия. Смысл этого образа философ прокомментировал простой русской пословицей: «Не все то золото, что блестит» [2, с. 76].

На других софиологических позициях стоял В.Ф. Эрн. Война, по мнению Владимира Францевича, раскрывает глубинные проявления русского народа. То, что скрыто в национальном самосознании, наиболее ярко проявляется в ходе войны. Эрн определяет войну как большой исторический экзамен, разоблачающий те недостатки, которые на первый взгляд скрыты. Поэтому для Эрна важно то, как проявляется духовный облик народа на этом экзамене.

В.Ф. Эрн отмечает, что война, кроме всего прочего, необыкновенно сплачивает государство, и Россия не исключение. Раз война сплачивает государство, выдвигает новые задачи перед ним, следовательно, каждый солдат должен чувствовать, что он выполняет гигантское дело для всеобщего благополучия. «Совершается поистине нечто странное и парадоксальное, в то время как материально Россия питает и всячески поддерживает армию... – в это время духовно сама Россия питается армией, поддерживается ее непоколебимой верой» [10, с. 152]. Эрн считал, что армия и Россия во время войны сливаются в единый организм: за отдельным солдатом стоит величайшая сила и энергия народа.

На наш взгляд, воспринимая достаточно оптимистично события, связанные с началом войны, Владимир Францевич обращал внимание на удивительную особенность русского солдата, проявляющуюся на протяжении всей истории России. Он способен выйти за грань своих личных сил благодаря внутреннему единству с массой народной энергии. Эрн отмечает необъяснимую для всех народов русскую способность побеждать, проигрывая в силе: «Ведь бьет же русский солдат и турок, и немцев, и австрийцев, и мадьяр, и в условиях почти сплошь и всегда неравных» [11, с. 14]. Владимир Францевич поражается способности русского человека долгое время сохранять способность и миролюбие, в этом он видит какую-то спящую силу, и именно это он считает самым потрясающим, причем всегда, в любых обстоятельствах. Эрн пишет, что люди превращаются в серый гранит стойкости, мужества, героизма, когда необходимо встать на защиту своего государства. По мнению Владимира Францевича, эти качества русского человека не возникли сами по себе, они создавались веками.

Владимир Францевич Эрн застал события русско-японской войны и, в отличие от Владимира Сергеевича Соловьева, встретил их достаточно оптимистично. Эрн писал о том, что в России разыгрываются достаточно жестокие и даже отвратительные сцены, идет борьба за власть, а эта война как нельзя луч-

шим образом отразится на состоянии Российского государства: «война целительным подъемом чувства снесла и этот безобразный гул, и тяжелые сцены. Война вызвала в нас торжественное примирение» [11, с. 31]. Эрн был уверен, что война с Японией благотворно сказывается на состоянии русского народа, так как главной целью, которое ставит перед собой русское правительство, является не борьба за материальное бытие, «в окопах, творится настоящее таинство нашей истории и свершаются величайшие напряжения народной воли. Или в мирные времена мы никуда не годимся и не смеем говорить ни о каком «мире на земле», или сейчас, в священной борьбе, мы свершаем величайшее завоевание Божьего мира и жертвенной кровью многострадального нашего воинства мы обретаем небывалое, не пережитое еще нами «благоволение в человецех»» [11, с. 44]. В этой войне воины, кроме того, что защищают население страны, еще и поднимают боевой дух «быть духовной опорой российского «существования» и обывательства, скалой, сокрушающей утомительную непрерывную «зыбь и рябь» с тылу идущего скептицизма» [11, с. 44]. Владимир Францевич, общаясь с участниками русско-японской войны, отмечал, что данная война отличалась от всех предшествующих войн, «настоящая война радикально отлична от той войны, прежде всего, тем, что тогда за ними расстилалась чудовищная пустота, почти полный отрыв от «эфирного тела» России, теперь же воюет Россия, а не полки и дивизии, и каждый солдат себя чувствует частичкой гигантского общего дела, не отвлеченно-военного дела, но и дела всероссийского и даже всечеловеческого» [12, с. 92].

Сергей Николаевич Трубецкой, будучи истинным патриотом, еще накануне русско-японской войны предупреждал о том, что нужно быть осторожными в отношениях с Востоком: «Русскому престижу, русской мощи в Азии должен был нанесен удар, более тяжкий для ее мирового положения, нежели была Крымская компания для ее положения в Европе» [7, с. 358]. Анализируя ситуацию, Сергей Николаевич сделал вывод о том, что

власть России на Востоке держится лишь благодаря ее авторитету, потерять который нельзя. Он приходил к выводу о том, что Япония не страшна России сама по себе, она страшна как передовой пост монгольского азиатского мира. Взяв под свою защиту Китай, она обязательно направит эту силу против России.

Сергей Николаевич Трубецкой, в отличие от В.Ф. Эрна, сильно переживал по поводу опасности, надвигающейся с Востока. Эта проблема настолько занимала его мысли, что даже во время болезни оставалась для него главной головной болью. После событий 1900 г. в Китае, когда русские войска были втянуты в военные действия, Сергея Николаевича заставляло о том, что восточный вопрос необходимо решить путем раздела Китая. «Надо оградить Россию, – писал он, – и европейский мир от неминуемой беды, именно теперь, пока Китай еще беззащитен, пока горсть европейцев может разбить желтые полчища. Если наступит час, а он пробьет неизбежно, когда три или четыре китайца будут в состоянии справиться с одним европейцем, – судьба Азии, судьба европейского владычества, судьбы Англии и России будут решены» [7, с. 436].

Весной 1903 г. Сергей Николаевич заболел крупозным воспалением легкого, которое так расшатало его здоровье, что врачи стали настаивать, чтобы он на продолжительное время уехал за границу, где бы мог как следует отдохнуть и поправиться. О начале войны с Японией он узнал вдали от Родины, и воспринял это известие с болезненной тревогой. Уже 14 декабря его жена, кн. Прасковья Владимировна писала: «Сережа страшно удручен газетными толками о Японской войне, настолько удручен, что ночи его становятся плохи. Он способен под влиянием этого удручения написать что-нибудь веское, но совсем непечатное. Пока спасает его другая работа... Он живет исключительно для науки: посещает от 10 до 1 часа здешнюю чудную библиотеку, там работает, потом работает дома до 11 ч. вечера, появляясь между нами только к столу и чаю» [7, с. 563]. Пытаясь поддержать боевой дух солдат, Сергей Николаевич находил способы увидеть в событиях хоть что-то по-

ложительное: «Наша армия, в которой такой дух, какой проявился при Чемульпо, и такой порядок, какой проявился при мобилизации, – может не бояться японцев» [7, с. 256], – замечал он в одном из писем. Весною 1904 г., в связи с успешным ходом мобилизации, удрученное состояние Сергея Николаевича сменилось некоторым оптимизмом, к сожалению, не оправданным событиями. Но всё, что сообщалось ему из Москвы, не могло не будить в нем тревоги. В.И. Вернадский писал ему по поводу происходящего: «События идут быстро и иногда кажется, точно направляются невидимой рукой... Я физически не в состоянии радоваться русским поражениям... Много приходилось говорить об этом, но, в конце концов, мне кажется взяла верх бессознательная органическая сила русского общества и в обмене мнений явно начинают преобладать рассуждения и возражения лиц, которые не дают себя обманывать ролью, какую сыграл Севастополь в подъеме русской жизни. Ведь это совсем несравнимые явления. Настроение здесь тяжелое, так как война только начинает накладывать свою печать на жизнь, и кругом усиливается реакция...» [9, с. 226].

По происходившим на полях сражений событиям Сергей Николаевич приходил к выводу о неподготовленности русской армии, вопиющих недостатках бюрократической системы управления страной и душой болел за будущее России. В резонанс с Вернадским Сергей Николаевич писал: «С тех пор как защитникам Пор-Артура месяц службы стал засчитываться за год, все русское общество живет по целому году в месяц. Никогда оно еще не жило столь напряженною жизнью, не думало, не чувствовало столь напряженно» [7, с. 381]. Падение Порт-Артура Сергей Николаевич действительно переживал очень глубоко. Вот что мы можем прочитать об этом событии в «Воспоминаниях» Ольги Николаевны Трубецкой от 29 декабря: «Не записывала все это время, потому что пера в руки брать не хотелось. Вспоминая впечатления, вызванные в прошлом году гибелью “Петропавловска” и Макарова, невольно

недоумеваешь... Трудно объяснить себе настроение общества теперь. Театры ни на один день не закрылись и были полны публикой. Профессор В-ий в день падения Порт-Артура был в Художественном театре и выражал негодование, что видел там военных... Брат Петя (Петр Николаевич) заезжал к нам в сочельник и негодовал, что в соборах не служат панихиды, и каждый ждал от другого проявления чувства, которого сам не проявлял. И у всех был один вопрос в душе: что ж будет дальше и чего теперь желать? Впереди полный туман. А если что-нибудь ясно внутри – это растущая ненависть и жажда мщенья, но не против японцев: нарастание революционного духа. В самый день взятия Порт-Артура в Думе состоялось чествование кн. В.М. Голицына, и В.Н. Бобринская прилетела отсюда к нам сообщить, что, несмотря на падение Порт-Артура, чувствовался необычайный подъем духа» [8, с. 243].

Сражение под Мукденом – это еще один очень важный этап русско-японской войны. Мукденское сражение – это самая масштабная, самая продолжительная по времени и самая кровопролитная битва времен русско-японской войны. Анализируя происходящие события, многие приходили к выводу, что ни одна из сторон не одержала в этом бою победы, но именно захват японцами Мукдена позволил им заявить о своей победе. Эти события очень остро переживал и Сергей Николаевич. Он считал, что поражение под Мукденом – самое глубокое, самое страшное за всю русско-японскую войну. «Мы пережили уничтожение тихоокеанской эскадры, но у нас оставался еще наш флот. Мы пережили Ляоян, но у нас оставалась наша армия. Когда пал Порт-Артур, русским людям стало ясно, что Россия должна стать иною иначе она прекратит свое историческое существование, будет недостойной существования ... И затем произошел разгром нашей армии под Мукденом, – разгром, подробности которого продолжают доходить до нас во всем своем потрясающем значении» [7, с. 113].

Сергей Николаевич не раз будет перечислять тяжелые для России события тех лет:

уничтожение Тихоокеанской эскадры, Ляоян... Порт-Артур и Мукден. На завершающем этапе войны Сергей Николаевич напишет: «Теперь совершилось последнее: у России нет флота, он уничтожен, погиб весь в безумном предприятии, исход которого был ясен всем. Умер ли русский патриотизм, умерла ли Россия? Где ее живые силы, ее исполинские силы, ее гнев и негодование? Или она разлагающийся труп, падаль, раздираемая хищниками и червями... Час пробил. И если Россия не воспрянет теперь, она никогда не подыметя, потому что нельзя жить народу, равнодушному к ужасу и позору!.. Полгода назад еще раздавались голоса, говорившие, что поражения на Дальнем Востоке не наши поражения, а поражения нашей бюрократии. Но можем ли мы, имеем ли мы право успокаиваться на этом, особенно теперь, когда наша армия разбита, когда русский флот уничтожен, когда сотни тысяч людей погибли и гибнут? Мы-то русские или нет? Армия наша русская или нет? И, наконец, миллиарды, которые тратят, принадлежат России или бюрократии? И, наконец, самая бюрократия, самый строй наш, который во всем обвиняют, есть ли он нечто случайное и внешнее нам, независимое от нас приключение? Если причина в нем, то снимает ли это с нас наш стыд, нашу вину, наше горе, наш долг и нашу ответственность?..» [7, с. 685].

Младший брат Сергея Николаевича Евгений Николаевич Трубецкой не менее остро переживал события русско-японской войны. Он так характеризовал Россию накануне войны: «Общественность отсутствовала, и сонная Россия, казалось, потеряла свое духовное я, утратила смысл своего существования, а острое чувство тоски, развивавшейся среди этого общественного бессмыслия и бездействия, заглушалось двумя могущественными суррогатами жизни и смысла – водкой и картами. Нас разбудил удар грома на Дальнем Востоке – несчастная война, перешедшая в кровавую смуту» [6, с. 30]. Рассматривая сложившуюся в обществе революционную ситуацию, Е.Н. Трубецкому пришлось статьями и работами показать, насколько сейчас, в дан-

ный момент необходимо сплочение всех ради сохранения единого государства. Наибольшее впечатление на широкие круги русского общества произвела его небольшая статья: «Война и бюрократия», опубликованная в 1905 г. (журнал «Правда», № 39). Впервые на страницах легальной русской печати было ясно указано, что истинной причиной военных неудач является многолетняя косность общества, жившего «по произволу всевластной бюрократии, словно в дортуаре участка» [4, с. 246].

Евгений Николаевич отмечал еще одну особенность этой войны, русским не хватало прежде всего воли победить, и поэтому русскую армию побеждали: «Никто не верил в победу, более того, не многие верили в ее смысл, многие сомневались в желательности ее для России. И не было необходимой огневой энергии в стремлении к ней... Маловерие, вот что вырывало у него (командующий русской армией в Манчжурии А.Н. Куропаткин – прим. автора) из рук успех, столько раз близкий и возможный. Поражение его армии в конце – концов оказалось поражением народа, не в достаточной мере хотевшего, а потому и не могшего победить» [6, с. 21].

Евгений Николаевич отмечал, что война – это бессмыслица. «Что есть смысл и есть Бог, когда окружающий мир дает столь неотразимые доказательства своего бессмыслия и безбожия? ... Или этого смысла нет вовсе, или мы должны найти его в самой глубине развертывающейся перед нами катастрофы» [5, с. 11]. В отличие от В.Ф. Эрн, Е.Н. Трубецкой считал, что война не способствует сплочению ни народа, ни государства, для него война – это зло, «победа над человечеством», «адский вихрь всеобщего разрушения», «зловещее зарево пожара» [5, с. 14].

Несмотря на то, что русские софиологи отстаивали идею всеединства, ситуацию, связанную с русско-японской войной они восприняли по-разному. В.Ф. Эрн воспринял русско-японскую войну достаточно оптимистично, отмечая, что эта война поможет

решить проблемы, назревшие внутри государства. Эрн утверждал что война раскрыла глубинные корни русского народа, что только благодаря военным действиям можно было увидеть силу духа народа, его сплоченность.

Е.Н. Трубецкой считал, что причиной неудач в войне является бюрократия, По его мнению, война – бессмыслица, но чтобы понять ее суть, надо заглянуть во внутреннюю политику страны. В ходе поражений русско-японская война всколыхнула общественность и способствовала перерастанию внутренних противоречий в кровавую смуту.

С.Н. Трубецкой предвидел события, связанные с Японией, и тяжело переживал начало русско-японской войны. Неудачи в ходе войны Сергей Николаевич переживал как личную трагедию, возмущался неподготовленностью русской армии и непробиваемостью бюрократической системы.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Соловьев В.С. Русская идея. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1952. – 31 с.
2. Соловьев В.С. Три разговора [О войне, прогрессе и конце всемир. истории, со включ. крат. Повести об Антихристе и с прил.]. – М.: фирма «ПИК», 1991. – 191 с.
3. Соловьев В.С. Краткая повесть об Антихристе. – М.: Б.и., 1995. – 31 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 510 с.
5. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. – М.: типогр. т-ва Сытина, 1915. – 23 с.
6. Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. – М.: типогр. т-ва Сытина, 1915. – 32 с.
7. Трубецкой С.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – 733 с.
8. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: 1953. – 337 с.
9. Шипов Д.Н. Воспоминания и Думы о пережитом. – М.: РОССПЭН, 2007. – 678 с.
10. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 575 с.
11. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.
12. Эрн В.Ф. Меч и крест. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 104 с.